

Венецианов съезжывается в своем сюртучке и вдруг встает исполином. Тихайшим и терпеливейшим казался многим, а вот любил отчаянно быструю езду — и нетерпением отличался его характер... Нетерпение пробовал проявить, нрав показывать — начал с карикатур, объявив назидательно: «Смех исправляет нравы». Смеяться умел зло, для «высшего» общества обидно. И его «Журнал карикатур» на 1808 год за осмеяние вельмож тотчас и навсегда запретили. Венецианов понял: лбом стену не прошибешь, в среде «столичных пузырей» нетерпение следует обуздать. И стал расшибать стену упрямым терпением.

«Терпи, Казак! Ежели вытерпишь, Атаман будешь». Многим бы хотелось, чтобы я в Троику уехал, однако не поеду... Это когда он обивал академические пороги, пытаясь прорваться в храм искусств и проташить свою школу.

Был не так уж тих, не так уж простодушен.

О своем «коньке к умничанью» сам признавался: «Мне на роду написано на том коньке ездить, и кажется иногда, скачешь, а оглянешься — конек детской, деревянный, на лыжах, он качается, а не скачет». В словах горечь понимания. Хотел сказать — и конь деревянный, и на месте качается, а Венецианов все-таки скакал. Огромная сила внутреннего сопротивления рождалась сознанием долга перед людьми и искусством.

В живописи был влюблен бесконечно.

Картина Гране «Внутренний вид капуцинского монастыря в Риме» потрясла его неожиданным видением интерьера. Месяц, день за днем, «просиживал» у картины. И, наверное, с таким же успехом писал бы интерьеры храмов и дворцов. Нет, создал «Гумно». Здесь загадка и разгадка характера и личности Венецианова. Смотрел на изображение католического храма, а видел гумно. Гумно — родное. Оно явилось в живописи из той, почти нереальной для «чистой» публики, жизни, где «копошились» крепостные. И вдруг — «Гумно», где каждое бревнышко мягко светится, где простая архитектура полезного здания совершенна, как античный храм. Теплый мирный день окружает гумно, там хозяйничают крестьяне — они еще несколько статичны, явно позируют, но уже герои этого теплого дня, уважаемые люди...

А сколько было соблазна преуспеть на поприще портрета. Именно за портрет избирают Венецианова в академики... Нет, он унесся в свое Сафоновское, где «щей горшок, да сам большой», выиграл: привез «Гумно».

То было время недавней победы над Наполеоном. Время ощущения мощи народной, которую Николай I, до смерти надугавший декабристами, пытался втиснуть в официальное понятие народности, самодержавия и православия.

А Венецианов, который, случалось, умилялся тем или иным деянием царей, сказал такие слова: «...текли ручьи крови человеческой... Одни сражались за государей, другие за милую волюность...». Милая волюность по душе художнику. Ужасы крепостничества, правда, в картинах не обличал, зато открыл всем, в общем-то, знакомый мир, на который ранее смотрели равнодушным взглядом проезжего. Не просто сказал: перед вами люди, но показал со спокойной уверенностью восхищения, как они прекрасны. Крестьяне вошли в живопись чинно; не растапливая; не протестуя против несправедливости; не выскочивая пьяно из кабака. Видящий зритель увидел: их не за что унижать, угнетать и презирать, но следует любить и уважать. Крестьянин естествен на земле. Его труд — действительное достоинство, может быть, достойнейшее. Сознательно «вознося» красоту души и лиц крестьян, художник тем самым причислял «низких» к «высоким»; возлагал равенство людей. Молодая крестьянка, ведущая лошадей («На пашне, Весна»), одета празднично, не по-работному: она хозяйка этой пашни, ясного неба, своей земли... Гармония труда и природы. Впечатление приливов. И реальность, и мечта художника. Естественно, встревожилась, раскудачталась, погрязшая в условностях классицизма и романтизма Академия художеств, даже русскую историю населившая греками и римлянами. Стала всячески выпроваживать из своих стен «сермяжного» Венецианова...

Брезгливо следила, чтобы венециановские мужики не



## Силой своей любви

*Среди славных имен сынов России первой половины XIX века — имена героев Отечественной войны 1812 года и декабристов. То время называют временем Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского... Пожалуй, следует назвать его и временем художника А. Г. ВЕНЕЦИАНОВА, чье двухсотлетие со дня рождения мы отмечаем ныне. Художника, впервые открывшего в живописи поэзию крестьянской жизни и труда, человека неисчерпаемой доброты.*

следили на сверкающих паркетах.

«Кисть, освещение, краски — все пленяет, — писал. — Одна только модель... не пленительна...»

Венецианова порой полупрекали, полусочувствовали — да, изображал крестьян парадно; но прав, очевидно, его ученик Мокрицкий, когда писал об учителе: «От его мужиков пахнет избой...»

Не аркадские пастушки и пастушки глядят с картин Венецианова — настоящие крестьяне, совершенно новые герои современности, со своей грубоватой силой и непритязательной красотой.

В «Голове крестьянина» встречаем философа и мудреца, размышляющего над жизнью.

В «Захарке» увидел художник будущее, смело выглядывающее из-под овчинной шапки. Остроглазый, живой, сновитый крестьянский паренек-огонек с топором на плече, «а сам с ноготок»...

Уже не академические работы, в очередной раз повествующие о похищении Зевсом Европы, поражают зрителя, а радовали каждого простого человека жизненные сцены: «Очищение свеклы», «Жнецы»... Люди из народа на картинах Венецианова умны, сильны, ловки, благородны. Близки художнику. Он даже подписывался: Алексей Сафоновско-Троицкий, подчеркивая нерасторжимую связь с тверскими местами.

Самым чистым, самым «умиленным» в своих живописных исканиях называли художника. Картина «Утро помещицы» — явление нам из веков минувших одного дня. Мы оказываемся в нем и ощущаем его аромат. Ушел навсегда этот день и остался. Был и есть. Идиллия, повесть о светлом, приветливом утре. Кроха счастья, оброненная в мир. Крестьянки здесь — ровня помещице, неробки, красивые «спокойною важностью лиц».

Задумчиво уронила руки на голубые цветы терпеливо ожидающая «Крестьянка с васильками» — доверчивая и нежная. Загадочно мерцает тенями мягкий многоцветный фон — зыбкий «вечерний» мир. И девушка словно светится на этом фоне.

Подлинный шедевр «Девушка в платке» — совсем еще девочка, очарование молодости и красоты, спокойная прелесть цветения: легкий румянец округлого лица, шелковистые волосы, алый рот, бровки — прикосновения, прозрачная глубина глаз... Простой платок на ней смотрится драгоценным убором. Поэтический «рафаэлевский» образ: ясность, надежда, вера.

Жила в Венецианове доброта. Пробивалась маленьким ролничком-ручечком, а затем, незаметно для многих, разливалась широкой полноводной рекой — бежали по

той реке белокрылые корабли: его ученики.

А он радовался.

А он огорчался, когда они уходили от него. Неравен поединок: Венецианов с кистью, как с дротиком, в руке против крепости почти неприступной, вековой — академии, с ее системами, легионами авторитетов. Не вскормленный, как писал, в академическом корыте, стоял насупротив крепости бесстрашно, мирно просветленный своей правотой.

Тихий, почти незаметный, он покушался на основу основ империи. Искал таланты среди тех, кого выменивали на борзых, продавали, как движимую недвижимость. Многим подарил радость общения с собой и «силой своей любви... превратил бежущих мешан и тверских малюров в хороших художников».

Не мог равнодушно пройти мимо рисующего мальчонки и не проходил.

«Покажи, голубчик», — так начиналось знакомство. И рука брала рисунок, а по существу, приглубливая такую еще неуверенную жизнь.

Венецианов дарил целковый на краски, советовал, кормил, поил, одевал. Иным помогал избавиться от крепостной неволи. Для того готов был часами ожидать в передней у вельмож. Его не принимали в этот день, приходил во второй. Гнали, а он возвращался. Чтобы потом сказать: «А я только был простым маклером в этом великодушном деле». Его человеческое величие заключалось и в том, что так полагал о себе искренне. Был прост в понимании жизни и себя в ней; очень скромный, может, поэтому казался робким. Странная робость — гнулась, склонялась до земли, а не ломалась. Ударяющий кулак увязал в ней.

Пекся об учениках, «как о своих детях».

Учил более чем мастерству — искусству жить; был духовным наставником. Может быть, в том причина, что его ученики, столь разные по таланту и манере письма, составили единую школу, целое направление в русском искусстве.

Особая атмосфера царил в венециановской мастерской: каждый «уважал достоинство товарища». Ученики «...жили, как братья родные, как одна семья».

Венецианов сумел создать школу-семью, в которой был незаметным великим учителем.

Около десяти лет существовала школа Венецианова, и вышло из нее восемьдесят учеников. Академия отбирала их у него и унижала тем, что заставляла их именовать учениками другого — академического профессора. А чтобы самому Венецианову дать профессорское звание: ни-ни! И пусть он пишет прошения, пусть доказывает, как необхо-

димо сохранить его школу... Курам на смех! Какая там школа?! Безродные, явившиеся невесты откуда, которых следовало немедленно переучить по всем академическим канонам... И перечивали. Ученики отходили от Венецианова и становились «потерянными людьми». Мы знаем их, главным образом, по работам, созданным еще в «школе».

Оказывалось — Венецианов числился чуть ли не подпольным учителем. Хотя уже на первой выставке в той же академии он дал открытый бой и победил. На одной стене вывешены были его полотна и тридцать две работы учеников; на противоположной — академические картины. Школа Венецианова торжествовала своей жизненной убедительностью. Вздвигнувшись откликнулся на выставку простой люд: мастеровые, прачки, горничные, матросы во множестве шли смотреть картины из крестьянской жизни...

Секрет венециановской школы прост — каждому позволял быть самим собой: «Таланты тогда развиваются, когда они ведутся по тем путям,

к которым их природа назначила».

Наставлял азам и правилам живописи, равно засекая все поля самыми разными семенами и наблюдая: где какие взойдут ярче и крепче, какая почва для чего пригодно.

Добился все-таки своего — выпестовал хороших художников.

Когда сегодня говорят о русском национальном пейзаже, обязательно вспоминают школу Венецианова.

Когда говорят об изображении сцен из русской жизни 1820—1840 годов, в первую очередь вспоминают о школе Венецианова.

Какими они были, пленцы гнезда Венецианова — вчерашние крепостные, мешане, дети мелких чиновников? С «Автопортрета» А. Тыранова смотрит на нас спокойное лицо уверенного работника. Это Венецианов воспитал его таким. И в «Автопортрете» Григория Сороки — чувство собственного достоинства человека, осознавшего силу своего таланта. Только соседствует оно с привычной печалью. Григорий Сорока — гордость, и радость, и трагедия Венецианова, не сумевшего вырвать ученика из крепостничества.

На все шел Венецианов ради своей школы. Платил не только унижением, платил в самом прямом смысле — из собственного, отнюдь не бездонного, кармана. Все тратил на учеников. Заложил именные жены, должен, должен — пока долг не стал огромным и обрушился на него снежной лавиной. Венецианов заметался, пытаясь прикрыть опавшими крыльями учеников; застучался в академию, единственным спасением виделось профессорское жалованье и квартира. Оказалось, в академии он не нужен, и художник «вышел из сил».

«Чорт горами качает, а академия людьми», — сбылись его слова.

Величие Венецианова в том, что он не только не избегал своего родного, но сумел подарить его всем.

...Брюлов как-то сказал художнику: у вас сегодня был небесный вечер. По воскресеньям Венецианов принимал гостей, любил умную и веселую беседу. Гостили люди, близкие по душе: Брюлов, которого он почитал: «отличнейшей доброты и простоты сердца человек»; Гоголь, Гребенка, Воейков, Краевский; ребе бевали Пушкин, Жуковский, Гнедич, Крылов, Кольцов... Водил Венецианов знакомство и с Карамзиным, оставил нам его портрет — наблюдающего умно и внимательно. Нарисовал Гоголя. Хотел написать портрет Кольцова. Не случайно в известной картине Г. Г. Чернецова «Парад на Марсовом поле» Венецианов стоит в группе писателей, почти рядом с Пушкиным...

«Рано или поздно, но истина все побеждает», — эти венециановские слова — словно девиз его жизни, оборвавшийся столь внезапно.

На обеденном спуске его лошади понесли и разбили сани о каменные ворота. У деревянного креста на месте гибели пролил немало горьких слез Григорий Сорока — самый талантливый ученик Венецианова.